

Татьяна Пронина, Екатерина Талалаева

Миграция и религия: основные направления исследований

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-2-7-29>

Tatiana Pronina, Ekaterina Talalaeva

Migration and Religion: Main Areas of Research

Tatiana Pronina — Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russia). tania_pronina@mail.ru

Ekaterina Talalaeva — Pushkin Leningrad State University; G. R. Derzhavin Tambov State University (Saint-Petersburg, Tambov, Russia). aikatarin@mail.ru

The article reviews the main trends in the academic research on interrelationship between migration and religion. Some researchers focus on changes in the religious space under the influence of migration, the de-territorialization of religions, and the transformation of religious institutions into global networks that partially function in virtual reality. The “network” approach in migration studies considers religious communities and identities as dynamic quantities. This makes it possible to abandon a simplified view of the reasons for the segregation of ethno-religious communities and the spread of radical religious ideas among representatives of the second and third generations of immigrants. The paper pays special attention to the

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 23-28-00374 «Религия как фактор адаптации и интеграции (им)мигрантов: на примере стран Балтийского региона». <https://rscf.ru/project/23-28-00374/>

The study was funded by a grant Russian Science Foundation No 23-28-00374 “Religion as a factor of adaptation and integration of (im)migrants: on the example of the countries of the Baltic region”. <https://rscf.ru/en/project/23-28-00374/>

role religion plays in the process of integration into the host society, either contributing or hindering this process. The article looks at a correlation between the social and religious role of communities. The analysis of the growing Muslim communities in Europe, the ways of integrating Islam and the problems of multiculturalism has become a separate research agenda. The studies of “parallel societies” formed by Muslim immigrants have been further developed. Based on the results of the review, the authors conclude that researchers involved in the field have moved from collecting data on migration flows to analyzing their various aspects, including the influence of religion on the processes of segregation of ethno-religious communities and the integration of (im)migrants into the host society.

Keywords: migration, religion, studies of (im)migration, “parallel societies”, the Italian sociological school, study of (im)migration in Germany, ghettoization, study of (im)migration in the Scandinavian countries.

ИЗУЧЕНИЕ (им)миграционных процессов — один из ведущих трендов в современных социогуманитарных исследованиях. Волны миграции второй половины XX века уже изменили прежний этноконфессиональный спектр многих городов и регионов. Трансформации современного глобального миропорядка тесно связаны с процессами детерриторизации религий, что выводит один из аспектов (им)миграционных исследований — изучение взаимовлияния миграционных процессов и религиозного фактора — на первый план. Пристальное внимание к данной теме определяется и кризисом современных стратегий интеграции (им)мигрантов — распространенный ассимиляционистский подход ориентирован на интеграцию через усвоение «принимающей» культуры, игнорируя особенности этнорелигиозной культуры. Однако религия является значимым элементом идентичности (им)мигрантов, а в ситуации «травмы иммиграции» значение религиозного фактора возрастает. В жизни (им)мигрантов мусульман существенная роль принадлежит религиозной общине и религиозному лидеру в силу того, что для них гражданские институты — непривычный формат консолидации¹. Модель ассимиляции подвергается кри-

1. Micus, M., Walter, F. (2006) “Mangelt es an ‘Parallelgesellschaften’?”, *Zuwanderung und Integration* Heft 4: 215–221.

тике со стороны исследователей и политиков. Вместо нее предлагаются разные проекты интеграции, предполагающие встречные движения мажоритарного общества и меньшинств, развитие горизонтальных связей гражданского общества и вовлечение в них (им)-мигрантов, что невозможно без учета роли религии в их жизни².

За последние десятилетия тема приобрела актуальность и в России, где миграция определяется общемировыми тенденциями: естественной убылью населения, недостатком рабочей силы, неравномерным экономическим развитием регионов. К вышеназванным факторам добавляется участие России в интеграционных объединениях на постсоветском пространстве. Большинство же прибывающих мигрантов — это выходцы из стран, традиционно исповедующих ислам. Адаптация и интеграция мигрантов в России имеет свои особенности. Поскольку основной миграционный поток имеет циркулярный характер, то большая часть мигрантов не ориентирована на интеграцию. Ряд экспертов считают, что в России также имеют место процессы «анклавизации» мигрантских сообществ³.

Сегрегация этнорелигиозных общин, в свою очередь, становится главной причиной формирования так называемых «параллельных обществ», феномен которых изначально связан с мусульманскими (им)мигрантами. Изучение «параллельных обществ» стало одной из главных тем в иммиграционных исследованиях. Несмотря на то, что понятие «параллельные общества» активно используется исследователями, оно по-прежнему не имеет однозначного определения в научном дискурсе. Термин получил развитие в политологических и социологических исследованиях благодаря немецким ученым М. Миксу и Ф. Вальтеру⁴. Само понятие возникло в связи с проблемами, которые поставили перед немецким обществом турецкие гастарбайтеры, и изначально маркировало негативные явления: более высокий уровень безработицы, бедности (им)мигрантов, чем среди немцев и иммигрантов из европейских стран, сопротивление интеграционным мероприятиям, создание собственных структур в сфере суда и наказания, параллельных государственным, угроза распространения радикальных

2. Caponio, T. (2008) "(Im)Migration Research in Italy: A European Comparative Perspective", *The Sociological Quarterly* 49(3): 445–464.
3. Пронина Т. С. Миграция в современной России и религиозный фактор // Вестник Ленинградского университета им. А. С. Пушкина. 2020. № 3. С. 225–240.
4. Micus, M., Walter, F. (2006) "Mangelt es an 'Parallelgesellschaften'?"

идей, террористических групп. Еще до того, как этот термин стал активно использоваться, В. Хайтмайер в 1990-е гг. писал об опасности распада общества под влиянием тяготеющих к окраинам иммигрантских общин. Анализируя статистику преступлений, совершенных молодыми турецкими иммигрантами, он делал вывод, что одна треть их связана с религиозной мотивацией⁵.

М. Микус и Ф. Вальтер развивают концепцию «параллельного общества», предложенную профессором Дортмундского университета Т. Майером, который выделял несколько признаков формирования «параллельного сообщества»: (1) моноэтничность или монорелигиозность, (2) сегрегация сообщества, имеющая двойственный добровольно-принудительный характер, (3) дублирование гражданских, государственных институтов⁶.

Критики использования понятия «параллельного общества» указывают на то, что в нем часто присутствует негативная маркировка, осуществляемая представителями «основного» общества. Содержание этого понятия, считает Клаус Баде, довольно противоречиво, что усложняет его использование в научном дискурсе. Во-первых, замечает Баде, такие сообщества были бы возможны только при условии однородности основного общества, тогда как оно разнородно, постоянно меняется, вбирает в себя выходцев из других стран, культур; во-вторых, в сегрегированных сообществах нет институтов, достаточных для автономной жизни, и сегрегация никогда не является полной и добровольной⁷. К. Йоппке также критикует понятие «параллельного общества» и считает, что этому концепту нет соответствия в реальности, так как положение о гомогенности принимающей нации — это миф⁸.

Теме «параллельных обществ» предшествовала тема «этнических колоний», «этнических гетто», возникшая в связи с иммиграцией европейцев: в частности, поляков в США или Рур-

5. Heitmeyer, W. (1996) "Fuer Tuerkische Jugendliche in Deutschland Spielt der Islam einewichtige Rolle", *Die Zeit*. 23 August 1996. 35. [<https://www.zeit.de/1996/35/heitmey.txt.19960823.xml> accessed on 25.05.2023].

6. Meyer, T. (2002) "Parallelgesellschaft und Demokratie", in *Der Demokratische Nationalstaat in den Zeiten der Globalisierung: Politische Leitideen Für Das 21*, pp. 193–230. Berlin: Akademie Verlag.

7. Bade, K. (2004) *Zuwanderung wird als Bedrohung empfunden*. Spiegel Online Kultur.

8. Joppke, C. (2008) "Civic Integration' to Beat the Parallel Society?", in *The Decline and Rise of Public Spaces, International Hertie School of Governance Conference*. October, 2008.

ские земли Германии⁹. Постановка проблемы «параллельных обществ» как сегрегированных мусульманских анклавов, в которых религия играет центрирующую роль, открыла новый ракурс исследований. Среди наиболее значимых — работы А. М. Фрайслебена, Дж. Андерсона, Р. Анталикова, М. Норелля, А. Карлбома, М. Эгга, Р. Солджела¹⁰. Так, Фрайслебен в докторской диссертации исследует «параллельное общество» в Дании в историческом ракурсе и современном политическом контексте. Изначально данный термин стал использоваться в Дании примерно с 1968 г. для обозначения в Копенгагене движения хиппи как определенной группы населения, идейно противостоящей остальному обществу. Однако к концу 1990-х гг. данное понятие популяризировалось и семантически трансформировалось: «параллельное общество» стало определением для религиозных общин (им)мигрантов, испытывающих затруднения в процессе социальной интеграции. Фрайслебен подчеркивает, что преимущественно этот термин подразумевает обособленное мусульманское сообщество, таящее в себе определенные социальные риски¹¹.

Жиль Кепель описывает возникновение исламских пригородов на периферии европейских городов¹². Контрапунктом к его работе может выступать книга Пиппы Норрис и Рональда Инглхарта «Сакральное и светское. Религия и политика по всему миру» (*Sacred and Secular. Religion and Politics Worldwide*)¹³, в которой исследователи настаивают на том, что существует прямая зави-

9. Kleßmann, Ch. (1979) "Polnische Bergarbeiter im Ruhrgebiet: Soziale Lage und gewerkschaftliche Organisation", in H. Mommsen (Hrsg.) *Glück auf, Kameraden! Die Bergarbeiter und ihre Organisationen in Deutschland*, S. 109–130. Köln. *Bupm Л. Герто* // Чикагская школа социологии. Сб. переводов. М., 2015. С. 107–160.
10. Freiesleben, A. M. (2016) *Et Danmark af parallelsamfund: Segregering, ghettoisering og social sammenhængskraft: Parallelsamfundet i dansk diskurs 1968–2013 — fra utopi til dystopi*. København: Københavns Universitet, Det Humanistiske Fakultet; Anderson, J., Antalíková R. (2014) "Framing (Implicitly) Matters: The Role of Religion in Attitudes Toward Immigrants and Muslims in Denmark", *Scandinavian Journal of Phycology* 55(6): 593–600; Carlbom, A. (2018) *Islamiskaktivism i en mångkulturell kontext — ideologisk kontinuitet eller förändring?* Malmö: Malmö Universitet; Egge, M., Solhjell, R. (2018) *Parallelsamfund: En del av den norske virkeligheten?* Technical Report. Oslo: Politihøgskolen и др.
11. Freiesleben, A. M. *Et Danmark af parallelsamfund*.
12. Kepel, G. (1991) *La Revanche de Dieu. Chrétiens, juifs et musulmans à la reconquête du monde*. Seuil. Paris; Kepel, G. (1987) *Les Banlieues de l'islam. Naissance d'une religion en France*. Seuil, Paris.
13. Norris, P., Inglehart, R. (1994) *Sacred and Secular, Religion and Politics Worldwide*. Cambridge University Press, Cambridge.

симость между ростом религиозного чувства и социальной незащищенностью. По их мнению, именно социально незащищенные слои способствуют распространению религиозного фундаментализма в мире.

Важный исследовательский аспект — необходимость проведения корреляции общесоциальной и религиозной роли общин. Ранее недостаточно учитывалось, что в условиях иммиграции у религиозных организаций появляются светские функции, растет их значение в социализации членов общины через социально ориентированные мероприятия: помощь с оформлением документов, поиском работы, получением медицинских услуг, устройством детей в детский сад и школу, в получении новой профессии и проч. Это способствует увеличению роли религии в жизни иммигрантов, поскольку религиозная община, помогающая им социализироваться в новых условиях, осуществляет и религиозное влияние. В результате исследователи фиксируют, что религиозность второго, третьего поколений иммигрантов сохраняется и даже возрастает под влиянием обостренных поисков идентичности в новом социокультурном контексте. Исследователи также отмечают, что религиозная идентичность может сохраняться и при отсутствии участия в религиозных практиках. Специфика данного проблемного поля может отличаться в разных регионах мира, актуализируясь в зависимости от уровня экономического развития, социальной политики государств.

В зарубежных исследованиях особое внимание уделяется вопросам адаптации (им)мигрантов и, соответственно, роли религии в интеграции в принимающее общество или в сопротивлении данным процессам. Важно учитывать, что исследования взаимосвязи миграции и религии существенно отличаются в США и в европейских странах: в США религия чаще рассматривается как средство интеграции в новое общество¹⁴, тогда как в Европе нередко — как то, что этому мешает¹⁵. Так, Дж. М. Уоллис, Т. Форман, С. Колдуэл, Д. С. Уиллис обращают внимание на то, что в общей системе идентичности представителей этнических

14. Stepick, A. (2005) "God Is Apparently Not Dead: The Obvious, the Emergent, and the Still Unknown in Immigration and Religion", in K. Leonard, A. Stepick, M. Vasquez, J. Holdaway (eds) *Immigrant Faiths: Transforming Religious Life in America*, pp. 11–37. New York: Altamira Press.

15. Frederiks, M. (2014) "Religion, Ethnicity and Transnational Migration: An Epilogue", in S. Grodz, G. Smith (eds) *Religion, Ethnicity and Transnational Migration Between West Africa and Europe*, pp. 219–229. Leiden: Brill.

меньшинств религиозное самосознание занимает одно из центральных мест¹⁶. Американский исследователь К. Хиршман, анализируя роль вероисповедной принадлежности, религиозных традиций в процессах адаптации иммигрантов в США, считает, что первое и второе поколения иммигрантов обладают высокой степенью религиозного самосознания, значение которого снижается в третьем поколении¹⁷. Этот вывод расходится с вышеприведенным мнением о возрастании религиозной активности во втором и третьем поколениях иммигрантов. Позицию К. Хиршмана разделяют исследователи К. Диль и Д. Кениг, опираясь на эмпирические данные из Канады, США и Германии. Объясняют они это тем, что мигранты «первых волн» были сильнее вовлечены в создание религиозных общин, тогда как мигранты последующих волн больше озадачены светскими приоритетами: поисками работы, хорошего жилья, образования для детей. Как причину снижения религиозности в поколениях они называют распространение религиозных программ в интернете, что становится существенной альтернативой личному посещению богослужений¹⁸.

Определенный интерес представляет диссертация Дж. Р. Родеса из Университета Бейлора¹⁹. Один из основных выводов автора: религиозная идентичность иммигрантов во втором и третьем поколениях все меньше формируется религиозной традицией, но конструируется через новые взаимодействия, новым социальным контекстом. «Конструируемые» идентичности отражают процесс трансформации религий из территориально локализованных традиций в глобализованные сети взаимодействий, не связанные с конкретной территорией²⁰.

Вызывающий пристальный интерес в современном социогуманитарном знании сетевой подход занял свое прочное место

16. Wallace, J. M., Forman, T. A., Caldwell, C. H., Willis, D. S. (2003) "Religion and U.S. secondary School Students: Current Patterns, Recent Trends, and Sociodemographic Correlates", *Youth Society* 35: 98–125.
17. Hirschman, C. (2004) "The Role of Religion in the Origins and Adaptations of Immigrant Groups", *United States* 38: 1206–1233.
18. Diehl, Cl., König, D. (2013) "God Can Wait: New Migrants in Germany Between Early Adaptation and Religious Reorganization", *International Migration* 51 (3): 8–22.
19. Rhodes, Jeremy R. (2011) *Religious Identities: Self-Identification and Denominational Affiliation. A Dissertation. Submitted to the Graduate Faculty of Baylor University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy* [<https://baylor-ir.tdl.org/handle/2104/8241>, accessed on 12.03.2021]
20. Appadurai, A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press.

и в иммиграционных исследованиях. Так, по словам Дагласа Мас-сея, сети представляют собой «совокупность межличностных связей, которые связывают мигрантов, бывших мигрантов и неграждан в районах происхождения и назначения через узы родства, дружбы и общего общинного происхождения»²¹. По мнению Тицианы Капонио, «сетевая перспектива помогла пролить новый свет на возникающие и изменяющиеся направления миграционных потоков и таким образом стала отказом от первого более упрощенного подхода к факторам выталкивания»²².

Одно из ведущих мест в исследованиях (им)миграции занимает итальянская социологическая школа. Среди ее представителей М. Амброзини, Э. Паче, С. Аллиев, Г. Ренцо, Т. Капонио и др.²³ Первые исследования относятся к концу 1970-х гг. В это время они имели в основном описательный характер, ставя перед собой задачу сбора и анализа первоначальных данных и накопления базовой информации об объекте исследования. Весь этот период, по словам Тицианы Капонио, доцента кафедры культуры, политики и общества Туринского университета, участники ряда общеевропейских исследований миграции, итальянские ученые, были сосредоточены на теоретическом осмыслении общих вопросов, таких как определение явления иммиграции и ее причин. С середины 1990-х гг. в литературе можно условно выделить два основных направления исследований. Представители первого из них фокусировали свое внимание на конкретных национальных/религиозных группах и вопросах культурного разнообразия²⁴. Позднее, с ростом числа иммигрантов из африканских стран, исповедующих ислам, отдельным направлением данных исследований стали работы, посвященные анализу мусульман-

21. Massey, D.S. (1998) "Economic Development and International Migration in Comparative Perspective", *Population and Development Review* 14: 396.

22. Caponio, T. (2008) "(Im)Migration Research in Italy: A European Comparative Perspective", *The Sociological Quarterly* 49(3): 451.

23. Pace, E. (1995) *Islam e Occidente*. Roma: Edizioni Lavoro. Pace, E. (2018) *La nuova geografia delle minoranze religiose*. [<https://freedomofbelief.net/it/attivita/la-nuova-geografia-delle-minoranze-religiose-in-italia>, accessed on 12.05.2022]; Allievi S. (1999) *I nuovi musulmani: I convertiti all'islam*. Rome, Italy: Edizioni Lavoro; Allievi S. (2002) *Musulmani d'Occidente Tendenze dell'islam europeo*. Roma: Carocci; Guolo, R. (2007) *Il partito di Dio. L'Islam radicale contro l'Occidente*: Guerini e Associati; Guolo, R. (2016) *Sociologia dell'Islam: Religione e Politica*: Mondadori Università.

24. Zanfrini, L. (1998) *Leggere le migrazioni. I risultati della ricerca empirica, le categorie interpretative, i problemi aperti*. Milan, Italy; Allievi, S. (2010) "Immigration and Cultural Pluralism in Italy: Multiculturalism as a Missing Model", *Italian Culture* 28: 85–103.

ских общин, путей интеграции ислама и проблем мультикультурализма²⁵. Энцо Паче, профессор социологии религии Университета Падуи, подчеркивает, что за последние двадцать лет с заметным отставанием от других европейских государств итальянское государство постепенно меняется: «из страны, определяемой католическим большинством, Италия становится обществом, характеризующимся четко выраженным религиозным разнообразием»²⁶. По мнению Паче, говоря о европейском исламе сегодня, необходимо говорить в первую очередь о европейских гражданах, получивших гражданство Европейского союза через процесс натурализации, начиная с 1961 г. Изменение в структуре конфессионального пространства европейских государств Паче связывает с ростом миграционных потоков, определяя факт появления и сами модели интеграции новых религиозных групп в качестве долговременного фактора социокультурной динамики европейских стран²⁷.

Стефано Аллиеве в своих работах также обращает внимание на проблему автономии и процесс институционализации ислама в религиозной, правовой, образовательной и политической сферах современного европейского общества. Аллиеве указывает, что процесс секуляризации европейского ислама сопровождается ростом напряженности и обострением семейных межпоколенческих конфликтов, что связано с трудностью принятия родителями поведения детей, которое является девиантным с точки зрения системы традиционных исламских ценностей. С другой стороны, есть и противоположный процесс — обращение новых поколений мигрантов к исламской идентичности, как в политическом ключе, так и через восстановление моделей этического и религиозного поведения. И если в первом случае описываемый процесс соответствует интегративным практикам, то во втором случае ученые сталкиваются с новыми для европейского опыта практиками и формами исламского коммунитаризма²⁸.

25. Pace, E. (1995) *Islam e Occidente*. Roma: Edizioni Lavoro; Allievi S. (2009) *Conflicts over Mosques in Europe: Policy Issues and Trends*. London: Alliance Publishing Trust.

26. Pace, E. (2018) “La nuova geografia delle minoranze religiose”, *European Federation for Freedom of Belief*, 18 Gennaio [<https://freedomofbelief.net/it/attivita/la-nuova-geografia-delle-minoranze-religiose-in-italia> accessed on 10.11.2022].

27. Ibid.

28. Allievi, S. (1999) *I nuovi musulmani: I convertiti all'islam*. Rome, Italy: Edizioni Lavoro; Allievi, S. (2002) *Musulmani d'Occidente Tendenze dell'islam europeo*. Roma: Carocci.

Анализ радикальных исламских движений в итальянской социологической литературе можно встретить в работах Ренцо Гуоло, профессора социологии ислама в Туринском университете. Обращая внимание на ислам в Италии, он подчеркивает, что итальянское общество исторически было закрыто для других религий, но постепенно готово строить конструктивный диалог с исламом путем признания его официального статуса²⁹. Исламский фундаментализм, по мнению Ренцо Гуоло, представляет идеологическую интерпретацию традиции и отражает конфликт внутри мусульманского мира. Он выделяет два его основных направления в XX в.: радикальное и неотрадиционалистское. Оба движения, преследуя цель исламизации социального и политического порядка государства, имеют разные стратегии реализации проекта «исламского халифата». Стратегией радикальных движений является процесс так называемой «исламизации сверху», то есть государственный переворот, установление новой политической власти и, как следствие, изменение порядка в государстве. Для неотрадиционалистских движений характерна стратегия «исламизации снизу» путем распространения исламской культуры и фундаменталистских исламских идей в мечетях, университетах и среди интеллектуалов в обществе³⁰.

Другое направление исследований касалось социальных проблем, способов адаптации и интеграции в основное общество, которые позволили бы избежать рисков социального неблагополучия, вызванного маргинализацией и «анклавизацией» иммигрантов. Работы чаще всего были сосредоточены на практических вопросах — доступе иммигрантов к рынку труда, здравоохранению и жилью, а также рассматривали способы организации и эффективность образования для иностранных детей. Данное направление представлено широким кругом авторов: М. Делль Донне, У. Мелотти, М. Амбросини, А. Чеканье³¹.

29. Guolo, R. (2004) *Xenofobi e xenofili*. Roma, Bari: Laterza.

30. Guolo, R. (2002) *Il fondamentalismo Islamico*: Laterza.

31. Delle Donne, M., Melotti, U. (2004) *Immigrazione in Europa. Strategie di inclusione-esclusione*. Roma: Ediesse; Ceccagno, A. (2017) *City Making and Global Labor Regimes Chinese Immigrants and Italy's Fast Fashion Industry*. London: Palgrave Macmillan; Ambrosini, M. (2001) *La fatica di integrarsi. Immigrati e lavoro in Italia*. Bologna: il Mulino; Ambrosini, M. (2004) *L'integrazione dei immigrati nel sistema economico Lombardo*. Milano [https://www.assolombarda.it/fs/200412213555_31.pdf, accessed on 10.11.2022]; Ambrosini, M. (2011) "Immigration in Italy: Between Economic Acceptance and Political Rejection", *Journal of International Migration and Integration* 14:175–194.

Амброзини и ряд других авторов на основе обширных исследований делают вывод, что в Италии набирает силу новый религиозный плюрализм, определяемый прежде всего иммигрантскими меньшинствами³².

Израильский ученый М. Александер, отметивший, что этническая и религиозная принадлежность часто совпадают с социально-экономическими расколами между местным населением и мигрантами, предложил на основе обобщения опыта исследований, проведенных в 2000–2003 гг. в Европе и Израиле, типологию подходов, на которые может опираться местная политика интеграции: переходный, гастарбайтерский, ассимиляционный, плюралистический и интеркультурный. Переходные отношения типичны для первоначальной трудовой миграции, когда иммигранты составляют небольшую часть населения, а местные власти предпочитают игнорировать их присутствие. Гастарбайтерский подход подразумевает признание этого присутствия, хотя и на временной основе — предполагается, что такие иммигранты будут проживать лишь несколько лет и затем вернуться на родину; следовательно, политика направлена на удовлетворение их минимальных базовых потребностей, а не на интеграцию. Остальные три подхода реализуются, когда местные власти осознают, что присутствие трудовых мигрантов стало постоянным³³. Ассимиляционистская и плюралистическая позиции имеют схожее основание — признание культурных различий. Но первая предполагает, что «инаковость» иммигрантов в конечном итоге исчезнет, вторая же (чаще именуемая как мультикультуралистская) рассматривает ее как сохраняющуюся константу в идентичности³⁴.

Одним из мировых лидеров в сфере миграционной привлекательности является Германия. По статистическим данным 2021 г.³⁵, более четверти жителей Германии относятся к категории лиц, для обозначения которых в научном и социально-политическом дискурсах принят официальный тер-

32. Ambrosini, M., Molli, S. D., Naso, P. (2022) *Quando gli immigrati vogliono pregare. Comunita, pluralismo, welfare*: Il Mulino Bologna.

33. Alexander, M. (2007) *Cities and labour immigration. Comparing policy responses in Amsterdam, Paris, Rome and Tel Aviv*, p. 35. Aldershot.

34. Ibid., p. 47.

35. См. подробнее: Bundesamt für Migration und Flüchtlinge (2021) *Minas — Atlas über Migration, Integration und Asyl*. S. 9–12 [<https://www.bamf.de/DE/Themen/Statistik/statistik-node.html>], accessed on 19.06.2022].

мин «население с миграционным прошлым» (*Bevölkerung mit Migrationshintergrund*). Среди них 12,6% составляют лица с «турецким миграционным прошлым»³⁶, представляющие самую крупную мусульманскую диаспору в Германии. Согласно данным проекта «Мусульманская жизнь в Германии 2020» (*Muslimisches Leben in Deutschland 2020*)³⁷, из 5,6 млн проживающих в Германии мигрантов-мусульман в первом и втором поколениях — выходцев из стран Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки и Юго-Восточной Европы, турецкое происхождение имеют 45% (2021)³⁸, однако их доля в общей миграционной картине страны постепенно снижается вследствие миграционных кризисов последних лет.

Основным источником информации о численности мигрантов-мусульман, процессах их адаптации и интеграции, культурных и религиозных особенностях жизни этноконфессиональных общин являются исследовательские проекты Федерального ведомства по вопросам миграции и беженцев (*Bundesamt für Migration und Flüchtlinge*). В частности, в рамках исследования религиозной принадлежности и социальной интеграции беженцев (в данном контексте — обобщающий термин) было выявлено, что порядка 71% лиц, прибывших в Германию и попросивших убежища с 2013 г., исповедуют ислам³⁹. При этом утверждается, что вовлеченность (им)мигрантов в жизнь религиозной общины непосредственно влияет на успешность их интеграции в принимающее общество. Прежде всего это позволяет вновь прибывшим мигрантам установить социальные контакты в принимающем обществе, предоставляющие необходимую информацию и помощь для устройства на новом месте жительства, а также способствующие противодействию социальной изоляции, которой новые мигранты потенциально подвержены.

Среди актуальных исследований в данной области наибольший интерес представляет масштабный проект «Мусульманская жизнь в Германии 2020» (*Muslimisches Leben in Deutschland*

36. Statistisches Bundesamt (2021) *Bevölkerung mit Migrationshintergrund — Ergebnisse des Mikrozensus*. S. 5 [https://tinyurl.com/yw9tt3b9, accessed on 19.06.2022].

37. См. подробнее: Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. (2021) *Muslimisches Leben in Deutschland 2020*. [https://tinyurl.com/3hp7t6kv, accessed on 19.06.2022].

38. Ibid., s. 3.

39. Siegert, M. (2020) *Die Religionszugehörigkeit, religiöse Praxis und soziale Einbindung von Geflüchtete*. Nürnberg: Bundesamt für Migration und Flüchtlinge, s. 1 [https://tinyurl.com/yc4jhmt5, accessed on 19.06.2022].

2020)⁴⁰. Согласно его данным, в Германии проживает до 5,6 млн мигрантов-мусульман в первом и втором поколениях — выходцев из стран Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки и Юго-Восточной Европы. Значительное возрастание численности и сегрегация турецкой мусульманской общины в Германии обратили на себя пристальное внимание исследователей во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг. Немецкий социолог В. Хайтмайер в своей публикации «Ислам играет важную роль для турецкой молодежи в Германии» обозначил анклавизацию турецкой мусульманской общины как образование «параллельного общества»⁴¹, противопоставляющего себя обществу большинства вследствие усиления влияния фундаменталистских исламистских идей среди турецкой молодежи. Тем не менее, Т. Майер попытался опровергнуть тезис об угрозе общественному благосостоянию и территориальной целостности Германии со стороны мусульманских анклавов и доказать отсутствие социально-политических условий образования «государства в государстве»⁴². Социальная сегрегация мусульманских меньшинств по этническому признаку и специфика соотношения понятий «ведущая культура» и «параллельное общество» проанализированы Ю. Новаком⁴³, тогда как предметом исследования Р. Сейлана стала внутренняя организация мусульманского «параллельного общества» как турецкой этнической колонии⁴⁴.

Проблема существования «параллельной юстиции», основанной на шариате и социально-экономической иерархии внутри берлинской мусульманской общины, поднимается в исследованиях Й. Вагнера⁴⁵. Функционирование «параллельного правосудия» подтверждается представителями внутреннего правопорядка

40. См. подробнее: Bundesamt für Migration und Flüchtlinge (2021) *Muslimisches Leben in Deutschland 2020*.

41. Heitmeyer, W. (1996) "Für türkische Jugendliche in Deutschland spielt der Islam eine wichtige Rolle. Erste empirische Studie. Prozent befürworten Gewalt zur Durchsetzung religiöser Ziele", *Zeit Online*: 27. S. 6 [<http://www.zeit.de/1996/35/heitmey.txt.19960823.xml>, accessed on 19.06.2022].

42. Meyer, T. "Parallelgesellschaft und Demokratie" in *Der Demokratische Nationalstaat in den Zeiten der Globalisierung*.

43. Nowak, J. (2006) *Leitkultur und Parallelgesellschaft. Argumente wider einen deutschen Mythos*. Frankfurt am Main: Brandes & Apsel Verlag.

44. Ceylan, R. (2006) *Ethnische Kolonien. Entstehung, Funktion und Wandel am Beispiel türkischer Moscheen und Cafés*. Wiesbaden: VS Verlag.

45. Wagner, J. (2011) *Richter ohne Gesetz: Islamische Paralleljustiz gefährdet unseren Rechtsstaat*. Berlin: Econ Verlag.

ка — Р. Вендтом⁴⁶ и Т. Камбури⁴⁷, отмечающими в своих работах фактическое отсутствие легитимности судебных и полицейских органов среди жителей мусульманских анклавов.

Кроме того, усилению этнической и конфессиональной сегрегации способствует распространение среди мусульманского населения исламистских идей, вступающих в противоречие с нормами и ценностями демократического государства. Согласно исследованию С. Шретера, деятельность исламистских организаций не только существенно препятствует интеграции и адаптации мигрантов-мусульман в единый социум, но и способствует укоренению в обществе исламофобии⁴⁸. Негативная коннотация процессов исламизации и увеличения потоков мигрантов из стран с преобладающей мусульманской культурой в контексте немецкого общественно-политического дискурса способствовала формированию и укреплению стереотипа угрозы благосостоянию немецкого общества со стороны сегрегированных мусульманских общин. Данное обстоятельство получило освещение в книге Т. Саррацина «Германия самоликвидируется» (*Deutschland schafft sich ab*)⁴⁹, вызвавшей широкий общественный резонанс и критику со стороны немецких политиков и представителей религиозных общин.

Специфика феноменов «исламофобии» и «религиозного диалога» в скандинавских странах освещена в исследовании М. Гарделла⁵⁰, проведенном на базе Центра исследований международной миграции и этнических отношений⁵¹ Стокгольмского университета. В Дании проблема сегрегированных мусульманских общин обозначилась со второй половины 1990-х гг. как следствие неэффективности интеграционных мер, предпринимаемых государством в отношении существенно возросшего числа

46. Wendt, R. (2016) *Deutschland in Gefahr: Wie ein schwacher Staat unsere Sicherheit aufs Spiel setzt*. München: Riva Verlag.

47. Kambouri, T. (2015) *Deutschland im Blaulicht: Notruf einer Polizistin*. Berlin: Piper Verlag.

48. Schröter, S. (2019) *Politischer Islam: Stresstest für Deutschland*, S. 342. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus.

49. Sarrazin, T. (2010) *Deutschland schafft sich ab: Wie wir unser Land aufs Spiel setzen*. München: Deutsche Verlags-Anstalt.

50. Gardell, M. (2010) *Islamofobi*. Stockholm: Leopard Förlag.

51. См. подробнее: The Centre for Research in International Migration and Ethnic Relations (CEIFO). Stockholm: Stockholm University [https://refugeereseach.net/rrn_node/centre-for-research-in-international-migration-and-ethnic-relations-ciefo, accessed on 19.06.2022].

мигрантов. В современных датских общественно-политических реалиях этноконфессиональные анклавные обозначаются официальным термином «гетто», подразумевающим иммигрантский жилой район с параллельно развивающейся социальной и экономической инфраструктурой или ее элементами. Жителями таких гетто преимущественно являются мигранты западного происхождения в первом и втором поколениях, исповедующие ислам и придерживающиеся своих собственных культурных и религиозных ценностей.

Процесс анклавизации мусульманских гетто усиливается на фоне усиления националистических и антимусульманских настроений. В исследовании антимусульманского нарратива в современном датском общественно-политическом дискурсе П. Моуритсен и Т.В. Олсен отмечают тенденции «репрессивного» либерализма в отношении мигрантов-мусульман со стороны правоцентристских сил, основанного на необходимости приобщения мигрантов к национальной датской христианской культуре⁵². Негативное отношение датчан-христиан и датчан-атеистов к явной или предполагаемой принадлежности мигрантов к исламской традиции проанализировано в работе Дж. Андерсона, где автор формулирует вывод о значимой роли религии в формировании общественных предрассудков и предвзятом отношении к мусульманам в современной Дании⁵³. Кроме того, исследования К. Симонсен и С. Олсен показали, что позиционирование мусульманских иммигрантских гетто в политическом дискурсе как «антиидентичности» в рамках датского общества исключает возможность интеграции гетто в общество большинства⁵⁴. А.М. Фрайслебен обозначила сложившийся датский социально-политический подход к восприятию гетто-проблематики как «антиутопический политический дискурс»⁵⁵, в основу которого заложен стереотип о некоем «этническом и религиозном другом»

52. Mouritsen P., et Olsen, T.V. (2013) "Denmark Between Liberalism and Nationalism", *Ethnic and Racial Studies* 36(4): 691–710.

53. Anderson, J., Antalíková, R. "Framing (Implicitly) Matters: The Role of Religion in Attitudes Toward Immigrants and Muslims in Denmark".

54. Simonsen, K.B. (2016) "Ghetto — Society — Problem: A Discourse Analysis of Nationalist Othering", *Studies of Ethnicity and Nationalism* 16(1): 83–99; Olsen, S.H. (2019) *A Place Outside Danish Society Territorial Stigmatisation and Extraordinary Policy Measures in the Danish "Ghetto"*. Lund: Lund University Libraries [https://lup.lub.lu.se/student-papers/search/publication/8981758, accessed on 19.06.2022].

55. Freiesleben, A.M. *Et Danmark af parallelsamfund*.

жителя гетто, придерживающемся собственных культурных и религиозных ценностей.

Для изучения и анализа приоритетных проблем, связанных с миграцией в Дании, в Копенгагенском университете функционирует Центр перспективных миграционных исследований (*Centre for Advanced Migration Studies*). Сотрудниками Центра освещается широкий спектр актуальных междисциплинарных вопросов, затрагивающих различные аспекты миграционных и интеграционных процессов⁵⁶. Другая крупная исследовательская платформа расположена при Университете Мальмё (Швеция) в Институте изучения миграции, разнообразия и благосостояния⁵⁷. Проблемам сегрегации этноконфессиональных меньшинств в контексте датской интеграционной политики посвящены исследования Т. Г. Дженсен и Р. Седерберга⁵⁸. Особый интерес в данной связи представляет стартовавший в 2020 г. пятилетний исследовательский проект Дженсен по изучению трансформации городской инфраструктуры, функционирующей в условиях миграционного кризиса и необходимости принятия вновь прибывающих потоков мигрантов⁵⁹.

Лидирующее положение Швеции среди скандинавских государств по темпу роста численности мигрантов с «мусульманским происхождением» обусловило значительное число исследовательских проектов в области изучения международной миграции и этнических отношений, нацеленных на обнаружение интеграционных перспектив для жителей шведских сегрегированных иммигрантских пригородов⁶⁰. В частности, К. Адольфссон в настоящее время (2018–2023) разрабатывает способы построения

56. См. подробнее: Centre for Advanced Migration Studies. Københavns Universitet. [<https://amis.ku.dk/publications>, accessed on 19.06.2022].

57. См. подробнее: *Malmö Institute for Studies of Migration, Diversity and Welfare*. Malmö University [<https://mau.se/en/research/research-centres/malmo-institute-for-studies-of-migration-diversity-and-welfare>, accessed on 19.06.2022].

58. Jensen, T. G. (2020) “Rhetoric of Segregation, Everyday Forms of Coexistence: Diverging Visions of Diversity and Coexistence in Denmark”, in A. Aksamija (ed.) *Architecture of Coexistence: Building Pluralism*, pp. 162–171. Massachusetts: MIT Press; Jensen, T. G., Söderberg, R. (2022) “Governing Urban Diversity Through Myths of National Sameness: a Comparative Analysis of Denmark and Sweden”, *Journal of Organizational Ethnography* 11(1): 5–19.

59. См.: Jensen, T. G. (2020–2025) Research Project: ReROOT: Arrival infrastructures as sites of integration for recent newcomers [<https://mau.se/en/research/projects/reroot>, accessed on 19.06.2022].

60. См. подробнее: *International Migration and Ethnic Relations*. Malmö University [<https://mau.se/en/research/research-subjects/international-migration-and-ethnic-relations/#accordion-50309>, accessed on 19.06.2022].

концепции «шведской идентичности» в ходе исследования национальной, этнической и религиозной идентификации мигрантов и их потомков в Швеции⁶¹. На основе изучения способов формирования идентичности А. С. Роальдом проведено исследование причин и последствий самодистанцирования молодых представителей мусульманских иммигрантских меньшинств от общества большинства и принятия ими салафитского понимания ислама⁶². При этом неэффективность реализации шведской политики «многообразия» (*Mångfald*) представлена в качестве фактора, усиливающего сегрегацию районов проживания как самих мигрантов-мусульман, так и воспитываемого ими молодого поколения практически без лояльности к обществу большинства. Тем не менее, шведский специалист в области мультикультурализма и исламизма А. Карлбом различает классический и неофундаменталистский исламизм⁶³. Согласно данной позиции, исламизм в широком смысле представляет собой культурный феномен, содействующий адаптации мигрантов «мусульманского происхождения», он противопоставляется деятельности салафитских исламистских движений, противоречащей ценностным установкам демократического шведского общества и таящей угрозу безопасности и территориальной целостности не только Швеции, но и всего североевропейского геополитического региона.

Перечисленные проблемы становятся все более актуальными и для России. Но если вопросам трудовой миграции посвящено уже немало исследований российских ученых⁶⁴, то работы, в ко-

61. См.: Adolfsson, C. (2018–2023) Research Project: 'You're not Swedish Swedish': Inclusion and belongingness within Sweden [https://mau.se/en/research/projects/youre-not-swedish, accessed on 19.06.2022]; Adolfsson, C. (2021) "I'm Not Swedish Swedish": Self-Appraised National and Ethnic Identification among Migrant-Descendants in Sweden", *Genealogy* 5(2): 56.

62. Roald, A.S. (2021) "Young Muslims' Estrangement from Swedish Majority Society: Influences from the Minority", *Tidsskrift for Islamforskning* 15(1): 129–154.

63. Carlblom, A. (2019) *Samhället måste öppna sig för mångfalden. Mångfaldspolicyn som politisk möjlighet till islamisk activism*. Malmö: Malmö Universitet. [https://www.msb.se/RibData/Filer/pdf/28798.pdf, accessed on 19.06.2022]; Norell, M., Carlblom, A. (2016) *Muslimska Brödraskapet i Sverige*. [https://rib.msb.se/filer/pdf/28248.pdf, accessed on 19.06.2022].

64. Этническая толерантность в поликультурных регионах России. М.: ИЭиА РАН, 2002; Дробизева Л. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Ин-т социологии РАН, 2003; Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения. М., 2018; Смирнова О.А., Жерновая О.Р., Подгусков В.Н. Миграционная ситуация в России, эволюция и тенденции в долгосрочной перспективе // Власть. 2016. № 12. С. 114–121; Денисенко М., Козлов В., Фаттахова А. Современные тенденции денежных переводов мигрантов

торых анализируются взаимовлияния религии и миграции в России, единичны⁶⁵. Немало работ посвящены исследованию различных аспектов данной темы в европейских странах, в Африке, на Ближнем Востоке: Д.М. Бондаренко, Л.Л. Фитуни, И.О. Абрамовой, Д.Ю. Базаркиной, Л.С. Биссон, А.И. Шумилина, О.К. Шиманской, Р.Н. Лункина, О.П. Бибиковой, А.В. Гордона, Т.Р. Хайруллина, С.А. Горохова и др.⁶⁶ Однако работы, посвященные изучению взаимовлияния религиозного фактора и миграционных процессов в России, пока немногочисленны. Интересный ракурс темы представляет директор Института изучения Европы, России и Евразии университета Вашингтона Марлен Ларюэль: влияние

в России и в мире // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 3. С. 5–29; *Протасенко Т.* Петербуржцы и иногородние жители Петербурга: поиск путей бесконфликтного совместного проживания // Телескоп. 2014. № 5 (107). С. 34–38; *Арутюнова Е.М.* Адаптация временных трудовых мигрантов из Средней Азии на сельском Юге России // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1(5). С. 51–70; *Великий П.П.* Мигранты из стран юго-восточных регионов в российском селе // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар. 2016. Том 8. № 2. Часть 1. С. 76–86.

65. *Гольцов А.Г.* Трансформации геополитического порядка на постсоветском пространстве // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2016. № 1 (80). С. 54–72; *Мухаметов А.Р.* Количество в качество. Мусульмане России перед вызовами демографии и миграции. 2015. <http://www.ansar.ru/analytics/kolichestvo-v-kachestvo-musulmane-rossii-pered-vyzovami-demografii-i-migracii>. Дата обращения: 12.04.2022; Почему России необходима иммиграционная политика // Методология и методы изучения миграционных процессов. М., 2007.
66. *Базаркина Д.Ю.* Влияние квазирелигиозного терроризма на общественное мнение: На опыте Европейского союза // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2017. Ч. 1. С. 117–119; *Биссон Л.С.* Ислам и Республика во Франции // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 2(14). С. 117–122; *Шумилин А.И.* Ближневосточные конфликты сегодня: между религией и геополитикой // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 1. С. 50–60; *Шиманская О.К.* Глобальная современность и старообрядчество: амбивалентность взаимодействия // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии*. 2021. (3): 40–58; *Лункин Р.Н.* Европейские христианские церкви перед лицом миграционного кризиса // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. Т. 9. № 2. С. 37–64; *Бибикова О.П.* Иммигранты из мусульманских стран в Европе: этноконфессиональный и социокультурный аспекты. М.: ИВ РАН, 2015; *Гордон А.В.* Мультикультурность в парижском пригороде Обервилье // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2022. № 1. С. 5–37; *Хайруллин Т.Р.* Современный исламизм в Арабском мире. М.: ЛЕНАНД, 2022; Dmitri M. Bondarenko. African Americans and American Africans: Migration, Histories, Race and Identities. Canon Pyon: Sean Kingston Publishing, 2019. 160 P.; *Фитуни Л.Л., Абрамова И.О.* Ислам, глобальное управление и новый миропорядок. М.: ИАФр, 2018.

внутренней миграции на формирование мусульманских диаспор как новых влиятельных акторов социальных процессов⁶⁷. В силу исторических и культурных особенностей основной поток трудовых мигрантов, прибывающих в РФ из стран Средней Азии — бывших республик СССР, исповедуют ислам. О поколенческих различиях в религиозности и невысокой роли религиозных организаций в интеграции мигрантов в России пишет автор данного обзора⁶⁸. О дискуссионности связи исламизма с исламом как религией и об опасности «вооруженного исламизма» для России рассуждает Э.А. Паин⁶⁹. В работах нередко превалирует анализ негативных аспектов миграции — угроза распространения радикальных идеологий, формирования экстремистских групп⁷⁰. При этом имеет место очевидный недостаток исследований реальной роли религии в жизни (им)мигрантов в России и потенциала религиозного фактора в их интеграции.

Заключение

Анализ многосложного влияния религии на процессы адаптации и интеграции (им)мигрантов весьма актуален. Тема «миграция и религия» занимает одно из ведущих мест в социогуманитарных исследованиях уже несколько десятков лет. Анклавизация иммигрантских районов в крупных городах представляет собой объективный долгосрочный процесс формирования конфессиональных «параллельных обществ». Трансформация религий в глобализованные сети определяет новые возможности формирования религиозной идентичности и институционализации религий, и это также определяет актуальность темы. Лидерами изучения влияния религиозного фактора на процессы интеграции (им)мигрантов в Европе являются исследовательские центры Италии, Германии, Дании, Швеции. Ученые из названных стран уже перешли

67. Ларюэль М. Ислам в России. Поиск баланса и интеграции // *Russie. NEI. Visins*, № 125. Ифри, декабрь. 2021.

68. Pronina, T.S., Slivkina, V.A. (2020) "Migrazione nella Russia moderna: il percorso verso una nuova realtà sociale", *RELIGIONI E SOCIETÀ Rivista di scienze sociali della religione. Fabrizio Serra editore Anno XXXV-97- Maggio-Agosto*: 101–110.

69. Паин Э.А. Исламизм: социально-политическая сущность и новые угрозы для России // *Общественные науки и современность*. 2016. № 5. С. 115–127.

70. Гаджимурадова Г.И. Трудовая миграция как фактор религиозной нестабильности в регионах России: угрозы и риски // *Научный результат. Социология и управление*. Т. 3. № 3. 2017.

от сбора первичной информации и ее описания к анализу причин формирования «параллельных обществ», характера влияния религии на процессы сегрегации и интеграции этнорелигиозных сообществ, изучают динамику этого влияния уже в трех поколениях. Исследований же, посвященных изучению вышеназванных процессов и проблем в российском контексте, пока немного, но явно обозначилась тенденция к росту интереса к данной теме и понимание важности изучения взаимовлияний миграции и религий, роли религии в интеграции и интеркультурации (им)мигрантов для поддержания системы национальной безопасности.

Библиография / References

- Арутюнова Е.М. Адаптация временных трудовых мигрантов из Средней Азии на сельском Юге России // Социологическая наука и социальная практика. 2014. Т. 1. № 5. С. 51–70.
- Великий П.П. Мигранты из стран юго-восточных регионов в российском селе // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар. 2016. Т. 8. № 2. Часть 1. С. 76–86.
- Вирт Л. Гетто. Чикагская школа социологии. Сб. переводов. М., 2015. С. 107–160.
- Гольцов А.Г. Трансформации геополитического порядка на постсоветском пространстве // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2016. № 1(80). С. 54–72.
- Деминцева Е.Б., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения. Москва: Центр стратегических разработок, 2018.
- Денисенко, М., Козлов, В., Фаттахова, А. Современные тенденции денежных переводов мигрантов в России и в мире // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 3. С. 5–29.
- Дробижева, Л. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. Москва: Ин-т социологии РАН. 2003.
- Мухаметов А.Р. Количество в качество. Мусульмане России перед вызовами демографии и миграции. 2015. [<http://www.ansar.ru/analytics/kolichestvo-v-kachestvo-musulmane-rossii-pered-vyzovami-demografii-i-migracii>, доступ от 12.04.2022].
- Почему России необходима иммиграционная политика. Методология и методы изучения миграционных процессов / Под ред. Зайнчковской Ж., Молодиковой И., Мукомея В. Москва: Центр миграционных исследований, 2017.
- Протасенко Т. Петербуржцы и иногородние жители Петербурга: поиск путей бесконфликтного совместного проживания // Телескоп. 2014. № 5(107). С. 34–38.
- Смирнова О.А., Жерновая О.Р., Подгусков В.Н. Миграционная ситуация в России, эволюция и тенденции в долгосрочной перспективе // Власть. 2016. № 12. С. 114–121.
- Татарко А.Н., Лебедева Н.М. и др. Этническая толерантность в поликультурных регионах России. Москва: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2002.
- Adolfsson, C. (2021) “I’m Not Swedish Swedish’: Self-Appraised National and Ethnic Identification among Migrant-Descendants in Sweden”, *Genealogy* 5(2): 56.

- Alexander, M. (2007) *Cities and labour immigration. Comparing policy responses in Amsterdam, Paris, Rome and Tel Aviv*. Aldershot.
- Allievi, S. (1999) *I nuovi musulmani: I convertiti all'islam*. Rome, Italy: Edizioni Lavoro.
- Allievi, S. (2002) *Musulmani d'Occidente Tendenze dell'islam europeo*. Roma: Carocci.
- Allievi, S. (2009) *Conflicts over Mosques in Europe: Policy Issues and Trends*. London: Alliance Publishing Trust.
- Anderson, J., Antalíková, R. (2014) "Framing (Implicitly) Matters: The Role of Religion in Attitudes Toward Immigrants and Muslims in Denmark", *Scandinavian Journal of Psychology* 55(6): 593–600.
- Arutiunova, E. M. (2014) "Adaptatsiia vremennykh trudovykh migrantov iz Srednei Azii na sel'skom Iuge Rossii" [Adaptation of temporary labor migrants from Central Asia in the rural South of Russia], *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* 1(5): 51–70.
- Bade, K. (2004) *Zuwanderung wird als Bedrohung empfunden*. Spiegel Online Kultur.
- Bundesamt für Migration und Flüchtlinge (2021) *Muslimisches Leben in Deutschland 2020*. [<https://tinyurl.com/3hp7t6kv>, accessed on 19.06.2022].
- Bundesamt für Migration und Flüchtlinge (2021). *Minas — Atlas über Migration, Integration und Asyl* [<https://www.bamf.de/DE/Themen/Statistik/statistik-node.html>, accessed on 19.06.2022].
- Caponio, T. (2008) "(Im)Migration Research in Italy: A European Comparative Perspectiv", *The Sociological Quarterly* 49(3): 445–464.
- Carlbom, A. (2018) *Islamisk aktivism i en mångkulturell kontext — ideologisk kontinuitet eller förändring?* Malmö: Malmö Universitet.
- Carlbom, A. (2019) «Samhället måste öppna sig för mångfalden. Mångfaldspolicyn som politisk möjlighet till islamisk aktivism». Malmö: Malmö Universitet. [<https://www.msb.se/RibData/Filer/pdf/28798.pdf>, accessed on 19.06.2022].
- Ceylan, R. (2006) *Ethnische Kolonien. Entstehung, Funktion und Wandel am Beispiel türkischer Moscheen und Cafés*. Wiesbaden: VS Verlag.
- Demintseva, E. B., Mkrtchian, N. V., Florinskaya, Y. F. (2018) *Migratsionnaya politika: diagnostika, vyzovy, predlozheniya* [Migration policy: diagnostics, challenges, suggestions]. Moskva.
- Denisenko, M., Kozlov, V., Fattakhova, A. (2015) "Sovremennye tendentsii denezhnykh perevodov migrantov v Rossii i v mire" [Current trends in migrant remittances in Russia and in the world], *Demograficheskoe obozrenie* 2(3): 5–29.
- Drobizheva, L. (2003) *Sotsial'nye problemy mezhnatsional'nykh otnoshenii v postsovetsoi Rossii* [Social problems of interethnic relations in post-Soviet Russia]. Moskva: In-t sotsiologii RAN.
- Egge M., Solhjell R. (2018) *Parallelsamfunn: En del av den norske virkeligheten? Technical Report*. Oslo: Politihøgskolen.
- Freiesleben, A. M. (2016) *Et Danmark af parallelsamfund: Segregering, ghettoisering og social sammenhængskraft: Parallelsamfundet i dansk diskurs 1968-2013 — fra utopi til dystopi*. København: Københavns Universitet [https://static-curis.ku.dk/portal/files/160573902/Ph.d._2016_Freiesleben.pdf, accessed on 19.06.2022].
- Gardell, M. (2010) *Islamofobi*. Stockholm: Leopard Förlag.
- Goltsov, A. G. (2016) "Transformatsii geopoliticheskogo poriadka na postsovetском prostranstve" [Transformations of the geopolitical order in the post-Soviet space], *Politiia: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sociologii politiki)* 1(80): 54–72.

- Guolo R. (2004) *Xenofobi e xenofili*. Roma, Bari: Laterza.
- Guolo, R. (2002) *Il fondamentalismo Islamico*: Laterza.
- Heitmeyer, W. (1996) "Für türkische Jugendliche in Deutschland spielt der Islam eine wichtige Rolle. Erste empirische Studie: 27 Prozent befürworten Gewalt zur Durchsetzung religiöser Ziele", *Die Zeit Online*. 23 August (35) [<https://www.zeit.de/1996/35/heitmey.txt.19960823.xml> accessed on 25.05.2023].
- Hirschman, C. (2004) "The Role of Religion in the Origins and Adaptations of Immigrant Groups in the United States", *IMR* 38: 1206–1233.
- Jensen, T. G. (2020) "Rhetoric of Segregation, Everyday Forms of Coexistence: Diverging Visions of Diversity and Coexistence in Denmark", in A. Aksamija (ed.) *Architecture of Coexistence: Building Pluralism*, pp. 162–171. Massachusetts: MIT Press.
- Jensen, T. G., Söderberg, R. (2022) "Governing Urban Diversity Through Myths of National Sameness: a Comparative Analysis of Denmark and Sweden", *Journal of Organizational Ethnography* 11(1): 5–19.
- Joppke, C. (2008) "Civic Integration' to Beat the Parallel Society?", in *The Decline and Rise of Public Spaces, International Hertie School of Governance Conference*. October.
- Kambouri, T. (2015) *Deutschland im Blaulicht: Notruf einer Polizistin*. Berlin: Piper Verlag.
- Kleßmann, C. (1979) "Polnische Bergarbeiter im Ruhrgebiet: Soziale Lage und gewerkschaftliche Organisation", in H. Mommsen (Hrsg.) *Glück auf, Kameraden! Die Bergarbeiter und ihre Organisationen in Deutschland*, S. 109–130. Köln.
- Massey, D. S. (1998) "Economic Development and International Migration in Comparative Perspective", *Population and Development Review* 14: 383–413.
- Meyer, T. (2002) "Parallelgesellschaft und Demokratie" in *Der Demokratische Nationalstaat in den Zeiten der Globalisierung*", *Politische Leitideen Für Das* 21: 193–230. Berlin: Akademie Verlag.
- Micus, M., Walter, F. (2006) "Mangelt es an 'Parallelgesellschaften' ?", *Zuwanderung und Integration*. Heft 4.
- Mouritsen, P., Olsen, T. V. (2013) "Denmark Between Liberalism and Nationalism", *Ethnic and Racial Studies* 36(4): 691–710.
- Mukhametov, A. R. (2015) *Kolichestvo v kachestvo. Musul'mane Rossii pered vyzovami demografii i migratsii* [Quantity into quality. Muslims of Russia facing the challenges of demography and migration] [<http://www.ansar.ru/analytics/kolichestvo-v-kachestvo-musulmane-rossii-pered-vyzovami-demografii-i-migracii>, accessed on 12.04.2022].
- Norell, M., Carlbon, A. (2016) *Muslimska Brödraskapet i Sverige* [<https://rib.msb.se/filer/pdf/28248.pdf>, accessed on 19.06.2022].
- Norris, P., Inghelhart, R. (1994) *Sacred and Secular, Religion and Politics Worldwide*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Nowak, J. (2006) *Leitkultur und Parallelgesellschaft. Argumente wider einen deutschen Mythos*. Frankfurt am Main: Brandes & Apsel Verlag.
- Olsen, S. H. (2019) *A Place Outside Danish Society Territorial Stigmatisation and Extraordinary Policy Measures in the Danish 'Ghetto'*. Lund: Lund University Libraries. [<https://lup.lub.lu.se/student-papers/search/publication/8981758>, accessed on 19.06.2022].
- Pace, E. (1995) *Islam e Occidente*. Roma: Edizioni Lavoro.
- Pace, E. (2018) *La nuova geografia delle minoranze religiose*. [<https://freedomofbelief.net/it/attivita/la-nuova-geografia-delle-minoranze-religiose-in-italia>, accessed on 12.05.2022].

- Protasenko, T. (2014) "Peterburzhtsy i inogorodnie zhiteli Peterburga: poisk putel beskonfliktного sovmestnogo prozhivaniia" [Petersburgers and nonresident residents of St. Petersburg: finding ways to live together without conflict], *Teleskop* 5(107): 34–38.
- Rhodes, J. R. (2011) *Religious Identities: Self-Identification and Denominational Affiliation*. A Dissertation. Submitted to the Graduate Faculty of Baylor University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy [https://baylor-ir.tdl.org/handle/2104/8241, accessed on 12.05.2022].
- Roald, A. S. (2021) "Young Muslims' Estrangement from Swedish Majority Society: Influences from the Minority", *Tidsskrift for Islamforskning* 15(1): 129–154.
- Sarrazin, T. (2010) *Deutschland schafft sich ab: Wie wir unser Land aufs Spiel setzen*. München: Deutsche Verlags-Anstalt.
- Schröter, S. (2019) *Politischer Islam: Stresstest für Deutschland*. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus.
- Siebert, M. (2020) *Die Religionszugehörigkeit, religiöse Praxis und soziale Einbindung von Geflüchtete*. Nürnberg: Bundesamt für Migration und Flüchtlinge [https://tinyurl.com/yc4jhmt5, accessed on 19.06.2022].
- Simonsen, K. B. (2016) "Ghetto–Society–Problem: A Discourse Analysis of Nationalist Othering", *Studies of Ethnicity and Nationalism* 16(1): 83–99.
- Smirnova, O. A., Zhernovaia, O. R., Podguskov, V. N. (2016) "Migratsionnaia situatsiia v Rossii, evoliutsiia i tendentsii v dolgosrochnoi perspective" [Migration situation in Russia, evolution and trends in the long term], *Vlast'* 12: 114–121.
- Statistisches Bundesamt (2021) *Bevölkerung mit Migrationshintergrund — Ergebnisse des Mikrozensus* [https://tinyurl.com/yw9tt3b9, accessed on 19.06.2022].
- Tatarko, A. N., Lebedeva, N. M., et al. (2002) *Etnicheskaia tolerantnost' v polikul'turnykh regionakh Rossii* [Ethnic tolerance in the political and cultural regions of Russia]. Moskva.
- Velikii, P. P. (2016) "Migranty iz stran iugo-vostochnykh regionov v rossiiskom sele" [Migrants from the countries of the south-eastern regions in the Russian village], *Istoricheskaiia i sotsial'no-obrazovatel'naia mys'* 8(2) 1: 76–86.
- Virt, L. (2015) "Getto" [Ghetto], *Chikagaskaia shkola sotsiologii. Sbornik Perevodov*. Pp. 107–160.
- Wagner, J. (2011) *Richter ohne Gesetz: Islamische Paralleljustiz gefährdet unseren Rechtsstaat*. Berlin: Econ Verlag.
- Wallace, J. M., Forman, T. A., Caldwell, C. H., Willis, D. S. (2003) "Religion and U.S. Secondary School Students: Current Patterns, Recent Trends, and Sociodemographic Correlates", *Youth Society* 35: 98–125.
- Wendt, R. (2016) *Deutschland in Gefahr: Wie ein schwacher Staat unsere Sicherheit aufs Spiel setzt*. München: Riva Verlag.
- Zaynchkovskaya, Zh., Molodikova, I., Mukomel, V. (eds) (2017) *Pochemu Rossii neobkhodima immigratsionnaia politika. Metodologiia i metody izucheniiia migratsionnykh protsessov* [Why Russia needs an immigration policy. Methodology and methods for studying migration processes]. Moskva.